

Евсений
МЕДВЕДЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

РАЗВОД

Счастье с Боссом

Богатые не плачут

Евсения Медведева

Развод. Новое счастье с Боссом

«Автор»

2025

Медведева Е.

Развод. Новое счастье с Боссом / Е. Медведева — «Автор»,
2025 — (Богатые не плачут)

— Это РАЗВОД! — шептала я, слушая стоны за дверью собственной спальни. Моя душа в щепки разлеталась, я умирала, еле держась на ногах, пока мой муж вместе с лучшей подругой развлекались на шелковых простынях.— Она ж робот, а не баба. Помешана на своей работе! Не останавливайся, а то времени мало...— Конечно, она ж пустая, бесполезная. А я тебе рожу, Гриша. А хочешь сразу двух? Вот кого ты хочешь? Мальчика? Девочку? Мы разменяем эту её шикарную квартирку и заживём припеваючи, да?— Да... Да... Только не отвлекайся! Давай, покажи, как ты сильно меня любишь.
— Люблю, Гринечка! Люблю! Скажи, что я лучше твоей жены? Да? Скажи!
— Лучше... Мне оставалось только бежать, размазывая по лицу горькие слёзы. Убегала, спасая свою душу, разбитое сердце и чувство собственного достоинства, даже не понимая, что судьба уготовила мне лотерейный билет в виде случайного знакомства...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евсения Медведева

Развод. Новое счастье с Боссом

Глава 1

– А где твоя жена? – женский стон был противным, вибрирующим, так нагло скребущим писклявостью голоса по шелковым обоям моей квартиры. Не дышала, пробираясь по тёмному коридору на блик свечей.

– Она же робот, а не баба. Помешана на своей работе! Не останавливайся, а то времени мало...

– Конечно, она ж пустая, бесполезная. А я тебе рожу, Гриша. Слышишь? – остановилась я, лишь когда в щели приоткрытой двери показались кроваво-красного цвета патлы, взмывающие в воздух. Я зажала ладонью рот, чтобы не заорать, когда увидела крошечную женскую грудь, ритмично покачивающуюся в такт движений моего мужа. Скрежетала ногтями по дверному косяку, глотала ярость, шок, рвущиеся слёзы, но почему-то продолжала наблюдать за вялым актом предательства. – А хочешь, сразу двух рожу? Вот кого ты хочешь? Мальчика? Девочку?

– Замолчи ты... – муж рвано прижался к её губам, только бы заткнуть, только бы не сбивала его с пути к удовлетворению. Это было так грязно, противно, отвратительно... Его пальцы впивались в тощую задницу, сидящую на моём рабочем столе. Он распалял себя касаниями, бродил по её телу, то щипая, то оглаживая, то сжимая грудь змеюки, будто торопился.

– Гринечка, мы же с тобой будем счастливы, да? Теперь-то уже точно вместе? Ты больше не будешь меня огорчать? Разменяем эту её шикарную квартиру и заживём счастливо, да?

– Да... Да... Только не отвлекайся! – мой законный супруг рывком стянул свою любовницу со стола, раскидывая документы по полу, и швырнул на кровать, сталкивая плюшевые подушечки на персиковый ковёр. – Давай, покажи, как ты сильно меня любишь.

– Люблю, Гринечка! Люблю! Скажи, что я лучше твоей жены! Да? Скажи!

– Лучше...

...Жмурилась, пытаюсь выдавить эти ужасные воспоминания. Музыка давила на виски. Басы дубасили черепушку изнутри ритмом клубного хаоса, пытаюсь расщепить её на миллион кусочков, вот только даже это не могло стереть картину с моим мужем в главной роли.

Пробиралась сквозь беснующуюся толпу, удерживала внутри обиду, слёзы, яд ненависти ко всем этим молодым и абсолютно счастливым людям. Я задыхалась! Весь тот клубок эмоций поперёк горла встал комом, что уже никогда не проглотить. Это невозможно забыть, развидеть, простить. Это шрам на сердце, который уже не затянется, как и рубец после инфаркта.

Почувствовав, как по щеке скатилась слеза, вздрогнула от невозможности контролировать свои эмоции, уже не было сил сдерживаться. Лет-то тебе сколько, Таечка? Мноооого... Пора лить слёзы исключительно в кабинете психоаналитика, попивая зеленый чаёчек, а не среди веселящейся толпы из-за заскока средних лет того, кто клялся быть рядом всю жизнь.

Да пусть эти лживые клятвы в задницу свою засунет!

– Черт, как же вас много!

Пыталась оттолкнуть толпу здоровенных лбов, вставших на моем пути. Они дрыгались, будто коллективный insult подхватили, так и норовя выбить из моих рук тяжко добытую бутылку обезболивающего. В глаза то и дело врезался неоновый луч, пытаюсь ослепить, а я только сильнее прижимала к груди добычу.

Ну, а кто виноват, что государство настолько печется о моем здоровье и зарождающемся и неизлечимом алкоголизме, что закрывает все алкомаркеты до того, как я нахожу своего мужа в постели с лучшей подруженькой? А? Политики, мать вашу! Ау!

Алкоголизм неизлечим? А как же душевные травмы? Как зияющая дыра в сердце? Чем это прикрыть, исцелить и заставить себя улыбаться? Как жить, как утром вставать на работу и приносить пользу обществу и налоговые взносы в казну, когда под ногами ещё шающий пепел? Поверьте, пьяная женщина принесет больше пользы, чем тронувшаяся умом.

А я уже на грани... Вдруг так сильно захотелось сбрендить, только бы не верить в реальность происходящего. Да пусть всё что угодно происходит, только не классика... Муж и подруга. Так пошло, типично, словно цитата, вырванная из набившего оскомину анекдота.

Сейчас стонут там, наверное, от оргазмов своих фальшивых и глумятся надо мной. Сколько они обманывали меня? Месяц? Год? Или с того дня, как мы вернулись с мужем в родной город?

Да лучше бы не возвращались...

Или наоборот? Возможно, у меня ещё есть шанс не сдохнуть от жалости к себе?

В руке завибрировал телефон. Я даже испугалась, на миг представив, что увижу имя мужа! Что ему сказать? Послать? Проигнорировать? Обмануть? Прикинуться, что ничего не видела, чтобы не рушить ячейку общества? Но гаджет вспыхнул именем моей лучшей подруги, и я выдохнула...

– Ночка! – перестала сдерживать плач, заскулила прямо в трубку, пытаясь скинуть тяжесть с души. – Где тебя носит, когда ты так нужна?

– Бесик, ты же знаешь, я картины сопровождала в галерею. Скоро выставка. А что случилось? Что с твоим голосом? Ты там ревёшь, что ли?

– Он мне измениииил... – завывала я, расталкивая себе путь локтями. На меня возмущенно оглядывались, но ровно до того момента, пока не вникали в смысл моей истерики. А дальше наступала жалость... Не сожаление, нет. А настоящая едкая жалость. – Пришла домой, а он...

Рвалась наружу, сжимая одной рукой телефон, а другой – бутылку шампанского. Бармен сначала сопротивлялся, грозился вызвать охрану, чтобы выдворить наглую тётку с рогами дьявола из бара, но в итоге сломался и выдал нетронутую дозу пойла, лишь бы отстала. Мужчины так слабы перед женскими слезами. Как жаль, что с мужьями этот прием не работает...

– Прихожу домой, а муж мой дорогой с Наташкой сношается на моих персидских простынях! Нет, сначала они изжулькали мои бумаги на столе, а потом в кровать упали! Ада, я собственными глазами это видела! Собственными! Это же как ножом в спину! – я скулила, жаловалась, пытаясь стравить рвущее душу давление обиды, машинально прижимала руку к лупящему в груди сердце и сдерживала слёзы. – Ада, я это заслужила, да?

– Что? Ты шутишь опять? Это не смешно, Таюш, – приснула смехом Адель, но, не услышав ответного хихиканья, притихла. – Тай... Ты же шутишь?

– Нет, Ада. Они трахались и обсуждали вероятность двойни, не забывая припомнить, что я несостоятельна как женщина, потому что родить не могу. Она ПУСТОЙ меня назвала. Понимаешь? Ещё вчера утирала мои слёзы, когда я вспоминала ужасный месяц в реанимации после последнего выкидыша, а уже сегодня я превратилась для неё в пустую и прокаженную, – одной рукой сдёрнула пробку от шампанского и приложила к горлышку. Шипучая жидкость прогрела слизистую, и даже будто на миг легче стало. – Мы завтра должны были ехать в опеку и встать на учёт. Но Гриша снова всё испортил. Знаешь, я думаю, он родился, чтобы все рушить. И мечты, и молодость, и надежду на будущее, где мне хорошо, спокойно, где я – мамочка пусть и не родного, но любимого малыша.

– Тая... – подруга не могла найти нужных слов, чтобы чуть облегчить мое страдание. Слышала её тихий плач, вот только легче не становилось. Мне не нужно сочувствие, мне нужна

помощь, рука, схватившись за которую я смогу вдохнуть, очнуться, вынырнуть из этого тухлого болота лжи и предательства.

Глупая... Нет таких волшебных слов. ИХ НЕТ! Тебе просто больно, душа в щепки разлетается, а перед глазами пчёлы счастливых воспоминаний летают. Вот он несёт меня в одной туфле в ЗАГС, потому что вторую сжевала бешеная болонка не менее бешеной старушки, что жила с нами по соседству. Вот он ждёт меня у дверей универа. Вот несёт любимые пончики в двойной обсыпке сахарной пудры, когда меня душили приступы токсикоза в первую беременность.

Мозг – такая тварь... Такая тварь!

Я насильно выуживаю те моменты, когда было невыносимо плохо! Вспоминаю три попытки развода, скандалы... Но вместо этого меня душит его ласковый шепот: *«Таисия, ты самая шикарная женщина. Мне так повезло! Хочешь, возьмем мальчишку из детского дома? И ты снова будешь улыбаться, девочка моя...»*.

– Тай, ну соберись ты! – взвизгнула Ночка, очевидно, не вынеся моих нескончаемых слёз. – Твоему Грине место на свалке, среди таких вот шкур, как Наташка Зотова. Пусть там обсуждают своё потомство. Надеюсь, ты их выкинула из своей квартиры?

– Нет, – медленно опустилась на поребрик и снова приложила к горлышку. – Я в эту квартиру все равно не войду больше, так что пусть там сношаются и плодятся, сколько душе блядской угодно, но только сегодня. Ночка, я своими ушами слышала, как они строят план по разделу имущества. Адель, но это же моя квартира! Она мне от родителей досталась и явно не для того, чтобы Гриня с Зотовой свой приплод там возвращали. Пусть валят ко всем чертям!

– Тай, ну чем мне тебе помочь? Хочешь, я нагряну и вышвырну его? Хочешь? Я всё для тебя сделаю!

– Нет, просто скажи, что я была душой и не слушала никого вокруг! Скажи, что нельзя всю жизнь прощать одного и того же мудака, ведь он скорее изменит тебе, чем сам изменится. Просто скажи, и мне будет легче...

– Ты самая добрая и честная зараза, БеспUTOва. Да круче тебя, как говорит Раевский, только варёные яйца. Только будь честна не перед другими, а перед самой собой! Тебе сейчас нужны не слова поддержки, а хорошенько выспаться.

– Наверное. Я уже не знаю... Ночка, я уже ничего не знаю. Но ведь он знал, что я не смогу родить ему. Знал! Я предлагала развод, говорила, чтобы шёл и строил свою личную жизнь, но он сам отказался тогда. А теперь, когда мне так нужна его поддержка...

А как это – быть одной? Чёрт... Я уже и забыла это странное чувство обнаженности перед социумом. У тебя уже нет надёжного прикрытия «Я замужем», после которого женщины сглатывают заготовленную желчь, а мужчины с горечью вздыхают. Это же своего рода статус, щит, уберегающий от вражеских пуль.

Покачивалась из стороны в сторону, рассматривая своё жалкое отражение в зеркальной стене ночного клуба. Ворох светлых кудряшек, вяло моргающие красные рога чёртика, лакированный комбинезон, так откровенно подчеркивающий все изгибы тела.

Черт! Ещё вырядилась, как порно-клоунесса, только бы порадовать мужа в честь нашей годовщины. Да я даже с работы отпросилась на глубокое бикини! А он... А он сам нашел, как отпраздновать пятнадцатую годовщину нашего брака.

Да, мне не двадцать. Да, я просрала свою молодость, впавшая, как не в себя, чтобы всем на свете показать, что могу! Но разве это справедливо – сталкиваться с реальностью, сидя на асфальте в этом пошлом облике?

Казалась себе жалкой, разбитой и совершенно потерянной. Опухшее лицо, черные подтеки туши, размазанная помада и бутылка шампанского, которую сжимала так, будто от нее зависела вся моя жизнь. Разве я этого достойна?

– БеспUTOва! Хватит пускать сопли, и иди к своей мечте. А я-то уж точно знаю, что колесо фортуны закручивает только тогда, когда ты упираешься в тупик, из которого нет выхода. А он есть, милая.

– Ну, не всем встречаются принцы вроде твоего Раевского, – за спиной вдруг заорала толпа молодёжи, вывалившаяся из бара на перекур.

Поставила подругу на громкую связь, а сама попыталась вызвать такси. И даже получилось!

На экране высветилась иконка с номером машины, что подъедет через пару минут. Так... Что там? Красный седан...

Буквы плясали, слезы никак не хотели останавливаться, и я сдалась. Заблокировала экран, устав сражаться с ними. Какая разница, как зовут водителя? Ну, не болтать же мне с ним?

– Даже Верочка ухватила себе отменного жеребчика, Мятежного! А у меня, очевидно, судьба самой вспахивать свою пашенку. Ладно, Ночка, пошуршала я, – встала и неожиданно пошатнулась. Мозг пьянеть не хотел, сопротивлялся, а вот тело ослабло.

Картинка плыла, в глаза будто песка насыпали. Прищурилась, когда из подворотни вырулило красное авто и остановилось в метре от меня. Вот это скорость...

– Куда ты поедешь? – всхлипнула Ада. – Приезжай ко мне! Раевского и Димку выгоним куда-нибудь, обнимемся и будем плакать, хоть до утра. Таюш, приезжай?

– Не переживай, милая. Мне сейчас лучше одной побыть. А завтра я вновь проснусь сильной женщиной и начну жизнь свою рушить, чтобы на обломках новый замок возвести.

– Тай, у тебя с собой ключи от моей квартиры? Езжай, там же пусто. Выспишься, придёшь в себя, а завтра уже станет легче.

– Спасибо, подруга...

Скинула телефон в сумку, и когда уже собиралась сделать шаг в сторону такси, меня толкнули в спину. Да так, что по позвоночнику растеклась боль. Яркая. Резкая. Такая, чтобы выбить то, чем я закидывалась, дабы перестало болеть...

– Черт! – взвыла и, не сильно разбираясь, махнула сумкой на длинном ремешке.

Мой вещмешок с глухим звуком впечатался в затылок высокому бритоголовому здоровяку. Тот захрипел, выдал матерную тираду и дернул рукой, намереваясь ухватить меня за волосы. Толстые пальцы-сардельки почти сомкнулись, запуская в крови процесс отрезвления, а заодно и страха. Я заорала, чем знатно испугала «лысика».

– Алкашка потасканная! Тебе лет-то сколько? Еще рога нацепила, или это тебе наставили их? А, олениха бухая? Я тебя сейчас научу мужиков уважать. Ты че на себя нацепила? Бабка-кошка, блядь! Ты задницу-то свою видела? Или вы, блядины, под старую сраку все таким способом развлекаетесь?

– Отвали от меня бабуин-членоносец! Думаешь, если между ног гвоздик ржавый болтается, то можно в душу чужому человеку лезть! Думаешь, всё можешь, раз мужик? – заорала я, в последний момент уворачиваясь от его захвата.

И фортуна явно была на моей стороне, его пальцы проскользнули по лаку моих рожек, прикрепленных к волосам на миллион невидимок, а я вновь умудрилась махнуть сумкой так, чтобы спесь с его озлобленной ряхи скинуть, да так мощно, что сама испугалась и бросилась бежать в сторону такси.

– Пьяных женщин возите? – нервно рассмеялась я за мгновение до того, как запнулась о порог и буквально впечаталась лбом в противоположную пассажирскую дверь.

– Стоять, сука рогатая! – орал мой преследователь. Боже, как точно... Я же теперь рогатая!

Водитель такси оказался понятливым, быстро сориентировался и утопил педаль газа, рывком сворачивая с обочины на проезжую часть. Я еле успела поджать ноги за мгновение до того, как дверь захлопнулась от экстремального стиля вождения.

– Ой, спасибочки... – я икнула и захихикала, когда поняла, что ни единой капли моего чудо-лекарства не было пролито. Облизала горлышко, потом пальцы, потому что второго такого доброго бармена мне уже не найти этой ночью. – А вы вот настоящий мужчина, да? И пьяную бабу из бара увезёте, и домой доставите. Да? А мужьям рыло не чистите случайно? Ну, тем, кто свой корнишончик в капюшончике в каждую щель суёт, пока жена на работе. Нет? А жаль. Но так и быть, поставлю вам пять звёздочек. А вы всё же моё рацпредложение зафиксируйте, вдруг ещё кому пригодится...

– Какая щедрость, – мужчина откровенно огрызнулся, а я замерла.

До сих пор лежала вниз лицом, вдыхая на удивление сладкий, явно женский армат парфюма, исходящий от сидения, поэтому не могла посмотреть на своего спасителя.

Но его голос...

Он будто шептал, так вкрадчиво и бесстыже прекрасно. Мне вдруг стало спокойно... Я словно дзен словила. Кайф, от которого исчезают боль, обида и злость, душащие меня всё это время.

Глава 2

– Куда едем, чёртик?

– Вообще-то я – Бесик, – снова хохотнула и попыталась привести себя в порядок. Приподнялась, аккуратно рассматривая незнакомца, что вёз меня по ночному городу, игнорируя красные сигналы светофора. – Фамилия у меня такая – Беспутова.

– Так на входе, вроде, нет таблички с требованием представляться. Мне и информации про корнишон вашего мужа хватило за глаза, – видела, как он в машинальном жесте потянулся к пачке сигарет, но потом вскинул прозрачно-голубые глаза в зеркало заднего вида и медленно одернул руку. – Ну что? Куда?

Я кое-как вспомнила адрес, где когда-то жила Ночкина, до того как съехала к своему прынцу, выдавила его через силу и откинулась на сиденье.

– У вас что-то случилось?

– У меня случился швах... Мой муж оказался блядиной, готовым присунуть любой дуре. А через четыре дня у моей мамочки юбилей, и если они узнают, что я опять осталась одиночкой, меня поднимут на смех. Это забава у нас такая, традиция семейная – распинать меня каждый раз, когда пытаюсь уйти от мужа, – хохотнула я, представляя будущий спектакль во всех красках. – Мамочка будет в гневе! Зашипит так, чтобы душу наизнанку вывернуло, но при этом, чтобы никто за соседними столиками не услышал про позор своей старшей, но, тем не менее, бестолковой дочери. Будет тыкать отца в бок и кивать на мою младшенькую сестренку, у которой, в отличие от меня, дом – полная чаша: и детишки, и любящий муж-лизоблюд, души не чаявший в теще и тесте. А ещё он им путевку очередную подарит. Это я неудачница по их меркам. Первенец, бракованный экземпляр, так сказать.

– Но ведь можно просто не ходить? – таксист хмыкнул, то ли осуждая мою мягкотелость, то ли пытаясь намекнуть, что есть очевидный способ не чувствовать себя дурой.

– Нельзя, потому что тогда нагрянет Армагеддон. И нагрянет он прямиком в мою квартиру, которую сейчас пилит мой муж и его плодовитая любовница...

Сумка задрожала, вибрируя металлической бляшкой по бутылке шампанского. Достала телефон и застонала, видя надпись «Любимый».

Черт! Черт! Нет, это выше моих сил! Но вместо того, чтобы вырубить телефон или заблокировать этого ублюдка, я провела пальцем по экрану, уже издали слыша его жалкий скулеж.

– Таисия! Ты где, трубку ещё почему-то не берешь? Ты дома была, что ли? – Гриша то шептал, то срывался на крик. Слышала его шаги по паркету, шорохи передвигаемых ваз, он всегда, когда нервничал, начинал ровнять декор на комодах. Он так бездарно пытался узнать, что именно я видела, так позорно выдавал себя дрожью в голосе. Предатель! – На полу валяется твой плащ. А почему я не слышал? Жду тебя, как придурок. Шампанское охлаждаю, клубнику намываю. А ты опять забыла про годовщину? Тая... Вечно у тебя все через жопу! Можно хоть раз в год мужу уделять внимания больше, чем своей работе?

У меня не было сил ответить. В голове то и дело крутились картинки их отвратительного, грязного секса прямо на моем рабочем столе. Видела, как под её рыхлой задницей сминаются документы, как она искусно стонет, а муж в свойственной ему манере вяло толкается бёдрами. Казалось, смотрю порнушку с плохим концом. Причём плохой конец в этом фильме только у меня.

Стояла молча, как вкопанная, но так и не решилась сделать ни единого шага. Если шагну, то убью их... Убью... Но мне нельзя!

Вот и сейчас я просто глубоко дышала и делала огромные глотки, а когда бутылка опустела, из глаз хлынули слёзы. Как чеку сорвало, или стоп-кран с корнем вырвало. Взывала ветром, хлестала себя по щекам, щипала за ноги, лишь бы не поддаваться этому лжецу!

Не слушай, Таисия... Не слушай его!

– Я не хочу тебя видеть. Не хочу... Не хочу... – шептала, с каждым разом увеличивая громкость голоса. – Вон из моей квартиры, вон из моей жизни!

– Э... Утомонись! Не знаю, что там у тебя в голове снова сломалось, но ты сильно перегибаешь палку. Я тебе не подчиненный, чтобы командовать. Приезжай домой, и мы поговорим...

Мы поговорим...

Сколько раз я слышала эту фразу? Много. И каждый раз он даже не утруждался сменить форму давления. Все его манипуляции были так знакомы и так действенны.

Я вновь и вновь верила и ему, и его доводам... Утопала в вине и самоуничтожении, веря, что виновата во всём только я одна. Каждый раз...

Первый раз случился на пятом курсе, когда мы уже год как были женаты. Тогда я была виновата в том, что его подрезали с диссертацией: не поддержала, работала на трёх работах, совершенно не давала нужного ему тепла. Гриша орал, говорил про мою сухость, холодность и никчёмность.

Второй раз был через три года, когда он не мог пережить трагический выкидыш и мою аморфность ко всему происходящему, потом сокращение в институте, где он работал. Я наверняка что-то упустила, забыла. Но так проще.

Ты просто перестаешь запоминать травмирующие обстоятельства, забываешь боль и плывешь по течению.

Но сейчас... Сейчас больно было иначе. Не за себя, не за пятнадцать лет совместной жизни, а за будущее, которое он растоптал.

– Вон! Вон из моей жизни!

– Домой быстро! – внезапно завопил Григорий, извергая даже не приказы, а команды зашуганной дворняжке, вынужденной бежать из своей будки. – Чтобы через полчаса была... Я не шучу! Весь город на уши поставлю, но найду. Я твоей матери позвоню...

– ВОООН!!!!

Я рыдала и вопила так истошно и отчаянно, что голова трещала. Горло вспыхнуло пламенем, боль текла в крови, вскипая от каждого воспоминания. Чувствовала себя грязной, униженной, уничтоженной.

Всё, что ещё было живо во мне, вдруг погасло, как старый фонарь.

И мгла наступила...

Сердце сковала вьюга, душа окаменела, и лишь обида продолжала елозить пластиком по стеклу, не давая забыться.

Хотелось прыгнуть в прорубь, чтобы смыть с себя эту липкую срамоту! Хотелось забыть. Сжечь каждого, кто мог догадаться о том, как мне сейчас больно.

Сжимала горлышко пустой бутылки, гадая, когда же она наконец-то треснет. Когда разнесётся на миллион осколков по салону такси, пронизывая мою обескровленную душу. Хотелось причинить себе боль самой, только бы не позволять это делать близким людям.

Я и сама могу, тогда для чего мне нужен напарник, компаньон по жизни? Я и сама являюсь профи в этом деле, тогда для чего мне такой мужик?

А для того, чтобы хлестать, как старую, еле дышащую корову, что уже выдохлась от вечной дойки. Я больше ни на что не гожусь. Ни на мясо, ни на удой. Только на убой...

– Держи, чёртик, – этот волшебный по своему действию голос просочился сквозь панику, а перед лицом закачалась уже откупоренная бутылка шампанского.

Мужчина, чье лицо было скрыто за широким капюшоном, вырвал из моей руки пустую тару от «микстурки», вложил новую дозу обезболивающего и прыгнул на водительское сиденье. Оказывается, мы стояли на парковке какого-то ресторана. И давно? Как долго я была не в себе?

– Пей, чертёнок. Может, полегчает.

Водитель впервые обернулся, и я поплыла... Его прозрачные глаза напоминали бездну спокойного моря, шепот прибоя, ласковый песок и свежесть ветерка. В них можно было утонуть, пропасть, заснуть. Дыхание перехватило всего на миг...

Крики мужа слышались где-то далеко-далеко. Они уже больше не лупили хлыстом по торчащему хребту, чтобы больнее было. Стиснула телефон, зажимая кнопки, и выключила его. Пусть этот вечер уже больше ничего не принесёт мне. Хватит. Пускай хоть Росгвардию на уши поднимет, но к нему я уже не вернусь...

– Простите, – я быстро стерла слезы, оставшиеся на пальцах кляксами туши, и попыталась улыбнуться. Понимала, что если ещё на минуту позволю себе эту жалость, то уже никогда не поднимусь с колен. Мне нужно переключиться, попытаться забыть, чтобы НЕ СДОХНУТЬ от боли. Сделала два глотка и откинулась на спинку, пялясь в прозрачный люк на крыше. – Наверное, вы частый свидетель подобного?

– Нееет... – он внезапно рассмеялся. – Вы у меня первая.

– Странно. Я думала, таксисты постоянно видят истерики, срывы и чужое горе. Это же как врачи. Профдеформация – такая штука, наверняка потом становишься глух к трагедиям других.

– Ну, а в чем ваша трагедия-то? – он хмыкнул и опять машинально потянулся к пачке сигарет. – Ну да, ваш муж оказался классическим трусливым ёбаром. Так вы же уже знаете, что делать с этим дальше. И послали вы его за дело, и право на это имели. В чем тогда причина слёз? В матери? Тогда не ходите на семейный праздник, прикиньтесь больной, занятой, да уезжайте из города, в конце-то концов. Из всего есть выход. Нужно просто обернуться и поискать его.

– Да курите вы уже, хватит тут дергаться, а то голова кружится от ваших спазмов, – я выдохнула и придвинулась, укладывая локти на спинки передних сидений.

В носу защекотало знакомым парфюмом. Дорогой, селективный... Машка Гукова недавно притаскивала тестеры, так я еще, дура, думала, не бухнуть ли ползарплаты, чтобы мужа порадовать. Так... А сколько нынче таксисты зашибают?

Водитель даже спорить не стал, быстрым жестом вложил в рот сигарету, щёлкнул зажигалкой, и под потолок заструился сладкий дымок. Он то и дело посматривал на меня в зеркало, причем даже не пытался скрыть своего интереса. Шарил прозрачными глазюками, очерченными густыми чёрными ресницами, и едва заметно усмехался.

– Что, не нравлюсь? Осуждаете? – я представляла, какой «красоткой» кажусь ему сейчас. Макияж поплыл, помада отпечаталась даже на лаке этого пошлого и совершенно неуместного комбинезона. А в целом все равно было. Пусть на такую смотрит, альтернативы все равно нет. – Я когда плачу, то опухаю, как хомяк. Да, уродина. Да, жалкая...

– Люди уродливы во всех своих негативных эмоциях, будь то злость, страх, горе, слезы... Но только не в радости. Смеющийся человек прекрасен. Вот и я думаю, что жить нужно так, чтобы всем было завидно. И вы смейтесь, – он пожал плечами и улыбнулся. Широко. Будто даже искренне.

– И вы постоянно смеётесь? За дурака не принимают?

– Принимают, наверное, – он так странно держал сигарету, сжимал темный фильтр между средним и безымянным. Мне знаком был этот жест, так делают не просто курильщики, но и заядлые трюдоголики, вынужденные даже с сигаретой в руках что-то печатать.

И как-то залюбовалась этим. Даже вдруг захотелось тряхнуть стариной, когда не курили только лохи и маменькины сынки.

А он странный... Вроде угрюмый, лишнего слова не скажет, а с другой стороны – «шампуня» мне подогнал, причем очень даже приличного. Наверное, обо всех клиентах так заботится.

Это ж надо так хотеть пять звёзд к рейтингу? Им что, молоком доплачивают? К чему такое рвение? Ну, не проникся же он моим горем?

– Чего притихли? – мой незнакомец-психотерапевт приоткрыл окно ещё шире, и в лицо ударил солёный плотный морской бриз. – Гадости про меня думаете?

– Я медитирую, не мешайте. Запоминаю, каково это – быть самым жалким человеком на земле.

– А вы забавная, – он хрипло рассмеялся и отвлекся на оживший телефон. Сбросил вызов, тихо матюгнулся и увеличил скорость, словно вспомнил, что опаздывает куда-то. – И как? Помогает медитация?

– Газики булькают, мешают и не дают сконцентрироваться, а вы ещё так ведёте, что я скоро в кусты попрошусь. Так, где найти мне мужа? – я покачивалась, картинка плыла, уличные фонари превратились в сплошную гирлянду. Все пустым стало. Безликим. Ненужным. – Без мужика мне к матушке ну никак нельзя. Сожрёт, и не подавится.

– То есть этот выход вы нашли, да?

– Слушайте... А не хотите сыграть моего мужчину? – я снова приложила к бутылке. – Ну точно! Будьте моим мужем?

– Слушайте, дамочка, медитируйте лучше, а то говорить адекватные вещи у вас получается хуже, чем стонать с закрытыми глазами!

– А что? Вы вполне привлекательны, я чертовски обворожительна. Отличная будет пара. Ну же, будьте моим мужем!

– Спасибо, конечно, за комплимент, но кажется, вы дошли до кондиции. И, пожалуй, я откажусь.

Салон авто взорвался его хохотом. Мужчина от души просмеялся, покачиваясь из стороны в сторону, что аж капюшон слетел с его головы. И я смогла внимательнее осмотреть его профиль.

А там было на что посмотреть... Глубоко посаженные глаза, по-мужски красивые брови, выразительные скулы и лёгкая небрежная щетина. Он улыбался, а вокруг глаз рассыпались глубокие морщинки, ничуть не портящие его внешность, скорее наоборот, придающие шарм и живость мимики. Но всё моё внимание было сконцентрировано на родинке, застывшей на скуле, ровно над линией щетины.

– Это же гениально! – я прочистила горло, прежде чем снова продолжать уламывать незнакомца на сомнительную аферу. Ну, не сажают же за это? Чего он ломается? – Ритка с ума сойдет, когда узнает, что я утаила такую новость. И Гриню отшила, и нового мужичка нашла. Класс! Соглашайтесь. После того, как я вам тут душу наизнанку вывернула, вы просто обязаны на мне жениться!

– Это плохая идея.

– Это шикарная идея, – я зачем-то вцепилась ему в руку и дернулась...

Под пальцами перекатились каменные бицепсы, а сексуальнее этого уже просто ничего не могло со мной случиться в этот ужасный день. Рога чёрта постоянно съезжали на лоб, дернула их и зашипела от боли, чувствуя, как рвутся мои волосы.

– Ну же! Когда вам ещё улыбнется удача поучаствовать в фарсе века? Дай сюда... – я потянулась к его правой руке, покоящейся на ручке переключения скорости.

Боже! Что я творю? Хватаюсь за незнакомца, чтобы заглушить ожог, что растекается внутри шрамом?

– Угомонись, чертёнок, а то пешком потопаешь... – он не успел вырвать ладонь, и я шустро пробежалась подушечкой по безымянному пальцу правой руки. Пусто... – Руки она распускает!

– Когда женщина пьяна, то часто выдает желаемое за действительное. Это я уже на своей шкуре знаю, поэтому и проверяю всё на ощупь.

– Ну? Может, ещё что пощупаешь? – он снова рассмеялся и чуть отодвинулся к двери. Пугливый какой... Что, боится насилия?

– Фу, как грубо... – сжала губы и вновь откинулась на спинку. Закинула ноги на сиденье и тихо затянула песенку. – А ведь мог помочь. Шампанское же купил?

– Вернешь чаевыми.

– Может, вас, товарищ извозчик, ещё на чай пригласить?

– Обойдусь, а то в кустики бежать придётся. Ну? Что там в репертуаре у убитых горем женщин, – он сдерживал улыбку, но я-то видела это! – Асти?

– Ой, вы стали на шаг ближе к одной звезде и к обвинению в попытке домогательства. Напишу, что вы мне тут трюфель показывали! – я на всякий случай прижала бутылку к груди, вдруг решит отобрать таблетку от боли?

В таком легком словесном батле мы и доехали до дома, где жила раньше моя подруга. Я заранее достала связку ключей, на которой болтался и её дежурный ключик, а когда машина остановилась у нужного подъезда, довольно ловко высагнула из салона, умудрившись даже не упасть.

– Удачной смены, – махнула стремительно пустеющей бутылкой и поплелась к дверям. – Проверьте оплату, а то я свой телефон вырубил до завтра.

– Клянусь, вы взяли гран-при среди моих клиенток. Может, проводить?

– Только через ЗАГС, – я из последних сил выдавливала улыбку. Пусть лучше думает, что я дура набитая, чем отчаявшаяся и сбрендившая от горя баба. – Ну? Согласен, красавчик?

– Боже упаси! – мужчина высунул свою красивую мордочку в открытое окно, мечтательно подпёр рукой щеку. Жеребчик, мля... и какой! Породистый, горячий. Он снова закурил, с силой сжимая губами фильтр сигареты. – Говорят, семейная жизнь не такая, как её рисуют мамы и бабушки. Ещё кататься потом по ночному городу, рыдать и бухать, как не в себя, слушая «Царицу».

– Последний шанс тебе даю! – я рассмеялась, крутанувшись на высоченных каблуках.

Понимала, что выгляжу забавно: этот странный комбез из секс-шопа, рога на голове, хмель в крови, раздавленное машиной любви сердце и чуть заплетающийся язык. Сомнительное комбо, правда? Но пусть смотрит. Когда он ещё получит столь экстравагантную клиентку?

Я даже нарочно вильнула задницей, чем вызвала приступ по-мужски красивого смеха. Чувствовала его взгляд, но вот стыдно не было совершенно. Он словно забирал часть ничтожности, в которой я бултыхалась. Смотрит... Значит, ещё не всё потеряно?

– Ну? Будешь моим мужем?

– Разведись сначала. А потом приходи...

Глава 3

Голова гудела так, будто царь-колокол бил тревогу каждую минуту, чтобы я не отключилась. Стояла в центре приёмной издательства, где работала три года, и озиралась по сторонам, понимая, что это тупик, бетонная стена, в которую я упёрлась, а сражаться с холодной неприступностью нет желания. Закончился запал. Потухла спичка. На столе груды документов, телефон орёт, не затыкаясь, а у меня нет сил. Пустая ваза, в которой когда-то стояли цветы. Ну как цветы. Скорее сухоцвет. Такой уже запылившийся, усталый и истосковавшийся по любви.

Нет, я не жалуюсь. Просто констатирую факт, что жизнь моя летит по наклонной, а я уже давно смотрю на это и ни черта не предпринимаю.

Ставшая единственной подругой Адель Ночкина давно твердит, что я не ценю себя, что жалею своего мужа, хотя любви в нашей «семье» уже давно нет.

Да, её нет!

Но у кого любовь осталась спустя пятнадцать лет совместной жизни? При обоюдной незаинтересованности вы превращаетесь в соседей по коммуналке, пилите счета, скидываетесь на кредит, советуетесь, какую машину взять, и строите график готовки. Ну а после и вовсе пересекаетесь у дверей в ванной по утрам, выдавливая улыбку вежливости.

Но у всего этого есть одно, но очень жирное НО. Такой брак может склеить ребёнка. Крошечный комочек милоты и соплей способен и дыру в корме залатать, да, на время, но тем не менее.

А я пустая...

После четырёх выкидышей я перебрала всех врачей ближайших городов. Но даже самые прославленные гении репродуктологии разводили руками, напоминая, что они всего лишь врачи, а не боги.

На то, чтобы уговорить Гришу даже просто задуматься о возможности взять ребёнка из детского дома, ушли долгие пять лет. Он сдался, сразу предупредив меня, что отцовских чувств может и не вспыхнуть! А я была готова к такому, поэтому мирилась и с его истериками, и с обидами. Я просто шла к своей цели.

Но вот измена... Это последняя капля в чаше моего терпения.

Глаза пекло, вот только слёзы всё никак не накрывали. Наверное, это последствия двух бутылок шампанского и литра чая с пустырником? Но сейчас бы лучше поплакать.

Утром долго сидела в машине, наблюдая за тем, как в здание офиса стекаются коллеги. Знала каждого, помнила дни рождения, значимые даты, имена вторых половинок и их детей. И даже когда в служебную дверь проскользнул мой босс, я продолжала сидеть, не находя сил столкнуться с теми, кто когда-то был моим мужем и моей школьной подругой...

После переезда из Краснодара мы с Гришей вместе прошли собеседование в местное издательство «Азимут». Меня шеф взял своей помощницей, а мужу доверили небольшой отдел, специализирующейся по спортивной литературе. Наташка Зотова, моя закадычная школьная подружаня, уже здесь работала. Сразу после универа и устроилась в бухгалтерию, где и трудится по сей день.

Я, дура тупая, так радовалась, когда увидела её! Сама потащила в дом, сама впустила в семью. Так чего же я теперь обижаюсь? Не замечала... Боже! Я ничего не замечала! Эти её внезапные визиты по выходным, комплименты уюту моей квартиры, из которой даже выходить не хотелось ей. Сука... Да ей уже тогда трахаться хотелось! А я не видела. Верила и жалела дурёху одинокую.

А теперь? Теперь она жалеет меня? Или радуется? Злорадствует? Хотя ей совершенно некогда... Она строит планы по распилу квартиры.

– Таисия? – дверь кабинета директора распахнулась, и в приемную вышел Станислав Иванович. – Вызови Наталью, она отчёт ещё утром должна была мне занести.

– Не буду я её вызывать, – прошептала, и кулаки сами сжались от злости. – Вам надо, вот и зовите. Или секретаршу свою попросите.

– Это ещё почему?

– Не буду, и всё! – из горла вырвался рык, я будто в гиену превращалась, когда речь зашла о Зотовой. Сожрать бы эту суку... На куски порвать! Собственно, об этом я и мечтаю с самого утра. Проходила мимо дверей в бухгалтерию и держалась из последних сил, чтобы не ворваться в хранилище пыли, сплетен и скучных цифр, дабы взгреть эту суку принтером по хребтине.

– Таисия! – взревел мой босс и ногой топнул, придавая категоричности своему приказу. – Я что, тут шутки с тобой шучу? Меня центральный офис трясёт уже третий час!

– Я же сказала, что не буду звать Зотову, – выдала её фамилию и стала изображать тошноту. Отыгрывала не для шефа, а для себя родненькой. Лучше смеяться, чем подыхать в луже собственных слёз.

В этот момент входная дверь скрипнула, и по кафелю зацокали металлические каблучки. Знала я этот звук... Весь офис её ненавидел за него, но Наташке всё равно было. Она назло всем дефилировала, без надобности пробивая дно в нервной системе коллег. А ещё этот звук был похож на стук молоточка по гвоздикам в крышке гроба. Бессмертная...

– О! Вот и Зотова. Сама пришла, родимая, – Станислав Иванович возликовал и затряс рукой, с нетерпением подзывая мою бывшую подругу к себе. Но та замедлилась... Шаги стали неуверенными, тихими. – Где тебя черти носят? Опять, поди, всю ночь не спала и в последний момент отчет состряпала? Ты смотри, я больше не стану Беспутуову слушать – уволю, к херам!

– Нет, что вы, Станислав Иванович, она просто всю ночь с мужем моим трахалась, – не выдержала я и выплюнула яд, что зудел на кончике языка. – Ещё стонала так бездарно-фальшиво. А-а-а-а... А! А! – я зачем-то начала передразнивать её вопли, из-за которых и не услышала меня эта шибанутая парочка изменников. Горланила всё громче и громче, созывая всех сотрудников, шуршащих на нашем этаже. Желание опозорить, раздавить, испачкать – было выше моего здравомыслия. – А... А! А! Гриша, у тебя такой большоооой...

– Беспутова!

– Да не парьтесь вы, Станислав Николаевич. Ни хера он там не большой. Среднестатистический отросток в капюшоне, игриво изогнутый у корешка, – я цедила яд сквозь зубы, сжимала кулаки, пыталась дышать, но уже почти смирилась с неизбежным.

Думала... Я всё думала, а каково мне будет видеть её каждый день? Мы не просто в одном офисе работаем, но и сидим в кабинетах напротив. Я же с самого утра за стол сесть не могу, потому что через стеклянную перегородку морду её наглую видеть буду. Стою тут, как солдатик, на звонки отвечаю и в окно пялюсь, лишь бы не сорваться.

– Беспутова, это не смешно. Ты что, не с той ноги встала? – рыкнул начальник, попытался усмехнуться, но когда понял, что мне совсем не до смеха, замер. И даже про отчет свой забыл. – Какое мне дело до корнишона твоего супруга-опездола? Ты, кстати, не в курсе, почему до сих пор статистика по продажам его отдела не готова?

– Так они тот отчет задницами измяли, чпокаясь на столе, а я так старалась... Три ночи готовила! Ой, Станислав Иванович... А что вы так удивились? Неужели не знали, что отчёты Кириллова – моих рук дела? – во мне было так много злости, что порция и шокированному шефу перепала. – Да всё вы знали.

– Таисия, я думаю, что это не совсем профессионально – обсуждать личное на работе... – но договорить эта дрянь не успела.

Не знаю, что со мной произошло, но внутри что-то затикало, потом затюкало, и Ба-БАХ! В глазах темень, сердце херачит, как сломанный синий трактор. Её слова чеку сорвали. Уж лучше бы ты, дрянь, молчала... Граната-то не учебная!

Я просто рывком кобры схватила её за шею и на удивление легко уложила на пол. Сжала тонкие волосюшки и стала рвать с такой силой, будто от этого жизнь моя зависела. Она визжала, вопила, но меня было просто не остановить.

Я не за мужа... Нет. За себя.

За своё унижение, за ту беспомощность, от которой уже отвыкла. Чувствовала себя гадкой, испачканной в их лжи. И эти стоны её театрально-восхищённые меня всю ночь преследовали, и сейчас заевшей пластинкой в ушах вибрировали:

«А-а-а-а-а... Я тебе рожу! Она пустая... Пустая...»

Ненавижу! Ненавижу гадину!

– БеспUTOва! Что ты тут вытворяешь? – орал начальник, а по кафелю зазвучали быстрые тяжелые шаги.

Охрана подхватила меня под мышки и подвесила в воздухе. И я ещё долго брыкалась, пытаюсь вырваться и доделать то, что не успела. Смотрела, как её довольная морда растекается в спазмах рыдания, как щеки чернеют от слез, как по плечам гадюки спадают вырванные кло-чья, и смеялась. В голос. Как обезумевшая!

– Это издательство! Тут нет места вашим дешевым интригам. Мне срать на то, кто с кем спит! – вопил Станислав Иванович, размахивая руками хлеще дирижера. – Хотя весь офис в отместку перетрахай, БеспUTOва, но работай!

– Не буду... – выдавила и вырвалась из лап охраны. Я было снова ринулась в атаку, но мне преградили путь. Сжимала кулаки, извергала пламя, пыталась спалить тут всё к чертям!

– Ещё как будешь, Таисия! – хрипел он, размахивая отчётом у меня перед лицом. – Как миленькая будешь, а то уволю, к чертям собачьим! Иди, умойся, выдохни и вспомни, что мы на работе!

– Не буду! – бросилась к столу, достала нужный бланк и быстро подписала. – Я ни на секунду не останусь здесь. Сами свой офис трахайте, а мне тут больше делать нечего.

– Ты дура, БеспUTOва? Что ты творишь? – Станислав бросился за мной следом. – Где ты ещё найдешь такую работу? В нашем городе больше нет издательств. Таисия, у тебя огромный опыт, не смей ломать карьеру из-за мудака! Да все были в курсе их интрижки, одна ты блажен-ная и влюблённая. Что ты делать будешь, что?

– Семечки на пляже продавать, – я бежала по коридору, на ходу надевая пальто.

– А я? Мне что без тебя делать?

– Офис трахать!

Сдерживала всё-таки наворачнувшиеся слёзы, решив уйти феерично. Старалась не вдумываться в смысл его слов, потому что шеф был прав на все сто процентов.

Такой работы мне не найти...

Я вдруг вспомнила тот счастливый период, когда мы всё же решили вернуться в родной город, чтобы сменить обстановку и воплотить мою мечту в жизнь. А мечтала я о небольшом домике, где будет тепло, уютно и спокойно. Но и эту мечту он растоптал.

Ненавижу! Ненавижу!

Бежала по улице, сама не понимая, куда и зачем.

Мой мир рухнул.

Сгорел всего за сутки.

Чувствовала, как орет в сумке телефон.

Но на душе было так пусто, лишь в груди глухо билось сердце.

Глава 4

– А он что? – Ночка икнула и долила мне в бокал последние капли шампанского.

– А я откуда знаю? Я ж убежала, – пьяненько хихикнула и подвинула к себе ещё один чемодан. Конвейер был налажен до идеала: Верка собирала все мое шмотье с полок, Ада упаковывала платья в портпледы, а я рассказывала про своё фееричное увольнение, забивая сумки и чемоданы всем, что под руку попадалось. Решение съехать было окончательным. Я ни дня не останусь в этой квартире. Ни дня! Меня мутило от одного только взгляда на кровать, где эти кролики-мутанты трахались. Гриша даже бельё не сменил, мразь ленивая! Только поверх плюшевого покрывала накидал лепестков, которые сейчас походили больше на клочки туалетной бумаги.

И как часто я ложилась в постель после неё? Раз? Два? Или стабильно по графику?

– Попросишь Раевского заняться квартирой? – с грустью осмотрела мою любимую двушку и вздохнула. – Жалко, конечно, но я решила начать всё с начала.

– Тай, ну не торопись! Живи в моей, сколько душе угодно, она всё равно пустует. Димке бабушка подарила квартиру, поэтому если решит от нас съехать, то есть куда. Представляешь? Бабушка Марта отдала ему свои пятикомнатные хоромы в центре, – Адка хохотала, катаясь по полу. – Наша снежная королева так прониклась к своему внуку, о котором не знала двадцать лет, что даже Денис офигевает. Они ходят в театры, гуляют по набережной и ужинают в ресторанах. Между ними пропасть, но даже она не помешала им стать лучшими друзьями.

В глазах подруги был такой винегрет из эмоций, что сердце сжималось. Она выстрадала своё счастье, заслужила, но до сих пор не верит, что за черной полосой наконец-то пришла белая.

Наверное, пришла и моя очередь погрузиться в самое черное пятно, чтобы потом вшагнуть во что-то счастливое. Ну не зря говорят, что вляпаться в дерьмо – к счастью. Пусть Гриня и будет той кучей, в которую я наступала и наступала долгие пятнадцать лет. И стоило только вспомнить его, как щёлкнул замок входной двери.

Сердце замерло. Шампанское, что уже третий день плещется в моей крови, взорвалось миллионом пузырьков, трансформируясь в жгучую ненависть...

Ненавижу! До глубины души ненавижу.

За его слабость, за трусость, за подлость.

Ну, никто же на привязи не держит, почему нельзя просто сказать, что он устал, разлюбил, потух? А быть может, это моя вина? Быть может, я передавила? Задушила его своей мечтой о ребёнке?

– Таисия? – Гриша влетел в спальню, застыв на пороге. Он с такой яростью смотрел на Аду и Верку, будто спалить их хотел! Но мои подруги продолжали собирать вещи, даже не обращая на него внимания. – Идём, поговорим!

– Ты головой ударился? – руками сжала подлокотники кресла, чтобы просто не броситься на него! Чтобы в глотку его не вцепиться! – Приказывать мне вздумал?

– Давай, завязывай своё театральное представление. Все оценили, тихо поаплодировали и в поклоне лоб разбили. Пойдем, – Гриша рванул вперёд, схватил меня за руку и потащил. – Что ты тут устроила перед посторонними? В жертву играешь? Сопли на кулак намазываешь? Только что ж ты всю правду-то не говоришь, что именно ты меня толкнула на это безумство. Ты!

– А ну отпустил её! – взвыла Вера и бросилась на шею моему супругу, а Адка недолго думая шандарахнула зонтиком по его пустой голове.

– Вы кто такие? – Гриша зашипел и на миг расслабил хват, а этого было достаточно, чтобы мои телохранительницы вырвали меня из его рук. – Убирайтесь из моего дома, сучки пьяные. Вон отсюда!

– Из твоего? Из твоего?!!! Твои здесь только трусы в горошек, Кириллов! Вот забирай их и сматывайся. Или ты думал, что достаточно поелозить Наташкиной задницей по поверхностям, чтобы своей сделать? Вот иди к Зотовой и трахай её дальше, а квартиру ты эту хер получишь. Моя она, ясно?

– Ты дура! Ну какая же ты дура, – хрипел он, ощупывая голову на предмет увечья. – Все мужики гуляют, а знаешь почему? Знаешь?

– Потому что женщины слепы и глупы, веря вашим словам, мольбам о прощении и стеланиях о великой любви. Да вашим враньём можно стены в бараках конопатить, чтобы не дуло, – мне было противно даже просто говорить с ним. Просто рядом находиться невыносимо! Воздух кислым становится, будто лимон целиком заглотила, а в груди опять жжет.

– Нет, потому что вы превращаетесь в тупых кур, которых интересует в этой жизни ВСЁ, кроме мужа! Забываете свою голову работой, шмотками, навязчивой идеей о чужом выблядке, которого просто НЕВОЗМОЖНО полюбить в силу человеческой природы, – его слова были пощечиной. Звонкой, больнучей, убийственной.

Сколько в нём подлости? Где дно, которое можно пробить? Но в этом плане мой муж просто бездонный. Мешок с его сюрпризами бесконечный, собственно, как и его совесть. Нет предела, нет рамок. Ведь это он мне изменил. Он! Зато как гениально отыгрывает обиженного и растоптанного. Внимания ему мало я уделяла... Да я задралась уже от жизни такой. Нет во мне больше силы выносить этого гадкого подлеца.

– Тогда собери вещи и уходи. Курица эта уже никогда не поумнеет и на твои слова не купится.

– Ты одумаешься! Ты непременно одумаешься и поймешь, что я был прав. Вот только осознание этого настигнет тебя, сорокалетнюю, с чужим приплодом на руках, у которого к этому времени будет вагон неизлечимых болячек. Тогда ты и приползёшь, – он был настолько горд и собой, и своей желчью, что бесконтрольным фонтаном хлестала из его рта. Гриша улыбался, снисходительно осматривал нас с девочками, очевидно, ожидая реакции.

– Это развод! Я больше не буду терпеть тебя и твоих бездарных оправданий, не буду слушать обвинения в собственной никчемности. Слышишь, Григорий? Не буду! – я так смело махнула пальцем, наслаждаясь растерянностью в его глазах. – Ты больше не сможешь убедить, что это всё моя вина. Не я трахалась с Зотовой в годовщину нашей свадьбы. Не я планировала двойню и тройню растить в отобранной у меня квартире. Это всё ты!

– Ты дура, Беспутова! – он взревел и вцепился пальцами в свои волосы, будто вырвать их хотел. – Но я клянусь, что испорчу твою жизнь, если ты не одумаешься. Каждая собака будет знать о твоей дурости, фригидности и помешанности на работе. А люди жестокие, Таисия, скоро все начнут смотреть на тебя, как на городскую сумасшедшую, что довела мужа до измены. Это ты во всём виновата... ТЫ! Но ничего, ещё приползёшь, как делала это раньше. Приползёшь!

Меня вновь парализовало... Откинулась на Ночку. Только бы не рухнуть. Его колкие и явно отравленные слова пробивали меня, уносили во тьму воспоминаний и жалости к собственной бесхребетности.

Как же мне был знаком этот диалог... Слышала его уже не раз. А если и решалась уйти, то вскоре моя милая мамочка сама возвращала меня к мужу, говоря, что в семье случается всякое, но это не повод уходить от хорошего человека. А разве это хороший человек? Разве хороший человек будет уничтожать тебя словами, целясь в самое больное?

– Дядь, – внезапно выступила вперёд Верочка. – А у тебя большие проблемы по части секса, да? Наш препод по психотерапии говорит, что когда мужик мечтает не о гордой особи

рядом с собой, а о пресмыкающейся, целующей его вонючие пятки, то тут проблема налицо. Ты давай, дяденька, – эта хрупкая девчонка вдруг схватила его за локоть и потащила в коридор, а супруг мой был настолько шокирован, что и не сопротивлялся. – Иди, очередь в поликлинику занимай, только в регистратуре сразу предупреди, что болеешь сильно. Пусть с нормальными людьми тебя не садят, вдруг долбоёбство заразное всё-таки...

Верка толкнула его, попутно вырвав связку ключей из ладони, и с шумом захлопнула дверь.

– Чао-какао! А если вздумаешь появиться тут ещё раз, мы и Раевского, и Мятежного на тебя спустим! Они от твоего корнишона только пупырку оставят, чтобы мочиться в точку, не разбрызгивая.

– Таисия! Таисия! Это что за фокусы? – орал Григорий с лестничной клетки, только не слышала я его. Тихо скулила, понимая, что весь год, что мы готовились стать приёмными родителями, он уже вынашивал план мести, наполненный ненавистью и желанием унижить меня, наказать.

За что?

А за то, что не способна я подарить ему своего ребенка. Вот только теперь ясно стало, что в сердце жестокого человека не будет места не то что приёмному, но и родному ребенку. Вся его вселенная замкнута только вокруг собственной персоны. Важной и единственно ценной. И для меня там никогда не было места, правда, поняла я это на четвертом десятке жизни, когда оказалась у пепелища упущенных лет.

И вдруг жить так захотелось!

С чистого листа начать, да так, чтобы спалить весь переплёт от насыщенности.

Глава 5

Сталь

– Что? И почему я об этом узнаю только сейчас? – рванул с кресла, да так резко, что дубовый стол закрипел по гранитному полу. – Даша, мать твою! Ты же секретарь, у тебя не дуршлаг вместо головы!

– Марк Андреевич! – Дашка расплакалась и бросилась собирать с пола свалившуюся кипу документов, что минуту назад принесла на подпись. – Но я забыла!

Хотелось орать, крушить и удавить кого-нибудь! Ярость и негодование лупили по венам, лишая возможности успокоиться. Сердце заходило, чувствовал, как в голове пульсирует мозг от этой зубодробительной новости.

– Что конкретно тебе сказали?

– Мне... Мне... В при-при-при...

– Успокойся! – взвыл я и, забрав из её рук документы, всучил стакан с водой. – Пей и говори нормально!

– В приёмную позвонила женщина, представилась Маргаритой Семёновной Дашковой, сказала, что она ваша бабушка, – выдохнула секретарша и осела прямо на пол, пытаясь успокоиться. – Я хотела перевести звонок на вас напрямую, но та отказалась и попросила просто передать, что через две недели будет проездом в этом городе и намерена увидеть вас.

– Дальше?

– Всё, – всхлипнула Дашка, закрывая лицо руками. – Но я замоталась! Там же этот кипиш с Раевским и Ночкиной начался! Вы носились как угорелый, извергали пламя ада, да к вам полофиса боялось подойти. Я правда не специально.

– Даша, – я стиснул челюсть, мысленно соображая, когда эта женщина звонила. – А теперь вспомни число. Когда это было?

– Дней десять назад. Простите меня! Простите! – зарыдала Даша и бросилась вон из моего кабинета.

– Пиздец...

Все померкло. Планы, дела, рабочий график поехали в башке, потому что мозг отказывался работать, пребывая в инсульте ярости.

– Сталь? – в кабинет вошёл мой зам, Лаврентьев Кирилл. – А чего это наша Дашка там вещи складывает? Уволил, что ли?

– Лаврик, хоть ты мне тут душу не терзай, а? – я плюхнулся в кресло, пытаясь собраться.

Ну и что, что бабка едет. Я же не обязан с ней встречаться? Кто она такая? Просто старушка из знатного рода, не желающая знать, что её внук растёт в детском доме. А сейчас, когда я уже не могу покрыть позором её род, фамилию, то она высралась из тумана и желает увидеться! Больная маразматичка с голубенькой кровью. Точно!

Это её не первая попытка прижать меня, в первый раз я столкнулся с ней в Москве, где практику проходил в крупнейшем издательстве. Оброс связями, выгодными знакомствами, именно это и помогло мне раздобыть информацию о том, кто я есть на самом деле. Приплод? Нагулянный сын алкашки? Но оказалось, что я просто жертва, отданная на откуп очищения знатного рода от позора.

Моя мама умерла при родах, информации об отце не было, но зато выяснилось, что я имею непосредственное отношение к роду Дашковых. И даже бабушка моя жива, бодра и вполне активна. Рауты, светские мероприятия, благотворительные фонды – классика для тещеславия старушки, бросившей и дочь, и внука.

А теперь она снова здесь? Снова требует внимания?

Никакой я не Дашков. Я – Сталь Марк Андреевич. Выпускник детского дома, где прошла вся моя жизнь.

– Лаврик, а ты чего припёрся? Ты должен был обивать пороги мэрии, добиваясь аккредитации! – я закурил, допил остывший кофе и посмотрел на зама. – Ну?

– Они отказали.

– Почему?

– А на этот вопрос они мне не ответили. Может, ты сам с ними поговоришь, а? Марк, ну мной вместо мячика в пинг-понг играют там, да по кабинетам гоняют, как шестёрку! А тебя они уважают...

– Слушай, а нахера мне такой зам? Вот объясни! Зачем? Так я и зарплату твою получать могу!

– Понял... – Лаврик встал, поправил галстук, стыдливо опуская глаза. – Сталь, но нам нужен этот проект!

– И на что ты готов пойти ради этого? – усмехнулся я, чувствуя, как мой пульс стихает. – Вот иди и подумай над этим. Если завтра ты не принесёшь мне толковый проект, то понижу до версталщика. Ясно?

– Жестоко и не очень справедливо, Марк Андреевич, – Лаврик кивнул, стиснув зубы и развернулся. Мне нравилось, когда мои сотрудники испытывают профессиональную злость, ведь только так можно достичь успеха.

Вспоминаю свою юность, и зубы скрипят по инерции. Я рвался вперед, не зная преград. Шёл по головам, лишь бы выкарабкаться, лишь бы не быть простым выпускником детского дома, вновь не оправдавшим ожидания социума. Жрал сухари, чтобы хватило денег на хороший костюм. Пыль пускал, байки придумывал, лишь бы никто и никогда не смотрел на меня с жалостью лживой. Никому не жалко детдомовцев, это-то я уже прекрасно знаю.

Работал как бешеный, спускал все бабки на развитие, обучение и крутое шмотьё, чтобы, войдя в офис издательства, где смог сделать неплохую карьеру всего за пять лет, поймать завистливые взгляды. Вот чего не было у детдомовцев никогда – зависти... Мы все были одинаково несчастны, одинаково злы и опустошены. Зато тогда... В голодной, но щедрой на эмоции Москве я смог задрать свою самооценку до пика.

– Дашке там скажи, чтобы вещи разбирала! – крикнул я вслед Лаврику, но тот только кивнул, не решаясь сталкиваться взглядами. – Сборище истеричек со мной во главе.

Ладно, надо работать, а то в жопе мира окажемся с этими сердечными драмами.

– Чёрт, – посмотрел на часы, прикидывая время на дорогу до мэрии. Лаврик Лавриком, а вот возможность эту упускать никак нельзя. Достал телефон и набрал свою преданную любовницу, а по совместительству – главу приёмной.

– Птичка, здравствуй, – рассмеялся в трубку, зная, как её это заводит. – Ну что ты там Лаврика гоняешь? Зачем измываешься над мужиком? Мы же оба знаем, что проект я получу, даже если ты этого сильно не хочешь.

– А почему ты сам не приехал, Маркуш? – заворковала Любушка, быстро цокая каблучками, чтобы уединиться для разговора. – Почему мне нужно нервы сворачивать твоему заму, чтобы ты обратил на меня внимание?

– Ты становишься навязчивой и максимально неудобной для моего бизнеса, – жестокость, произнесённая елейным голосом, довольно быстро достигла цели, потому что в динамике слышалось шипение.

– Приезжай сам, Сталь, иначе я твою газету в конец списка отправлю!

– Но ты же знаешь, что в этом городе не просто ВСЕ газеты и журналы принадлежат мне, – усмехнулся и стал собираться. Бунт на корабле мне не нужен, либо она пашет на моих условиях, либо я найду новую, более сговорчивую «птичку». – А также интернет-издания, паблики, группы в соцсетях. Я создаю новости в нашем регионе, я контролирую умы масс. И знаешь,

Любушка, это такая удобная площадка для чернухи. От тебя требовалось лишь одно – чтобы определенная газета получила доступ к материалам, но ты почему-то противишься безысходности. Глупо... Очень глупо...

– Что? Против Каратицкого попрёшь? – она шёпотом произнесла имя, от которого у всей администрации поджилки тряслись.

– Что ты, Любушка! Мне достаточно пострелять по воробьям, окружающим нашего бесменного мэра.

– Ты приедешь? – заскулила Агеева, понимая, что в этой игре ей никак не переиграть мэтра интриг и подпольных заговоров.

– Скоро буду.

Надел пиджак, собрал вещи и, прихватив лэптоп, вышел из кабинета, устанавливая его на сигнализацию, уж очень много компромата хранится в его стенах, чтобы доверять кому-либо.

– Ну что, Дашуль? Как дела? – уперся руками в столешницу и навис над до сих пор шмыгающей брюнеткой с загадочно раскосыми глазами, как у восточной принцессы. – Когда ты мне помощницу уже найдешь?

– Вы их пачками увольняете, я тут при чём? Их же производить не успевают, Марк Андреевич!

– А ты найди. Лаврик хорош в административке, но вот переговоры вести совершенно не умеет. А мне дама нужна, такая, чтоб под кожу одним взглядом въедалась. Гадкая, противная, любопытная, острая на язык!

– Гадкой только нам в офисе не хватало! – вскинула руки секретарша и развернулась к стопке анкет. – Что, правда, саму противную выбрать?

– Выбери, Дашуль. Кстати, там Мятежный протеже свою пихал, она присылала резюме? – я наглым образом стырил с её тарелки мармелад и застонал, потому что тыщу лет не ел этой гадости в сахарной обсыпке. С детского дома и не ел.

– Нет, но она приходила на собеседование сегодня. Кирилл с ней разговаривал, пока вы на совещании были, – Даша и вправду стала рыться в анкетах, забавно шурилась, рассматривая фотографии претенденток, очевидно, гадость искала. Дурёха...

– До завтра! – я подцепил ещё пару мармеладок и толкнул дверь напротив. – Лаврик, а ты че мне про протеже Мятежного ничего не рассказал? Там же, как в сказке про репку, сначала наш великий и ужасный Слава Мятежный, за ним Вера Вьюник, потом чета Раевских. На плаху меня решил загнать, чтобы бизнес отнять, поганец ты этакий. Кишка тонка, Лаврик. Ну?

– А зачем вам помощник? – вспыхнул Лаврик и вскочил из-за стола, забыв захлопнуть ноутбук, где из-за несвернутого документа торчал пасьянс. – Я все сам могу. Вы же мне время дали до завтра!

– Одно другому не мешает, Кирилл. Ну, так что с дамой? Сколько ей?

– За тридцать, – Лаврик взял со стола папку и стал сыпать фактами. – Работала в трёх издательствах, опыт есть, последнее место работы, кстати, знаете какое?

– Ну, удивил начальника?

– «Азимут», – хмыкнул Кирилл и сел на край стола.

– Берём, – застонал я от удовольствия, готовясь танцевать от щедрости фортуны. Это что за подарок судьбы мне такой на голову шлёпнулся? Я уже год разрабатываю схему, как подогнуть «Азимут» под себя. – Звони, и пусть завтра же выходит на работу. Чао!

– Самодур... – послушался шёпот за спиной.

– Ты без премии, Лаврик! Без премии! – хохотал я, скрываясь от ошалелого взгляда зама за створками лифта.

Глава 6

– Ненавижу!!!! – рычал я, понимая, что оказался в плотном кольце пробки.

Четыре ряда центрального проспекта, и никто, сука, не двигается. НИКТО! Листал новостную ленту, проклиная и себя, и Лаврика... Это надо же было выбрать время для поездки? Ведь ещё вчера предупреждали, что на проспекте будет ограничено движение из-за реконструкции опоры моста. Я же сам эту новость ставил в рассылку! Идиот!

Я будто из реальности выпал, ощущая, как непозволительно бестолково теряю время. Стрелки часов неумолимо приближались к шести часам, а значит, моя дорогая Любушка сейчас вильнёт хвостом, так и не рассказав, зачем же я ей так срочно понадобился.

Переслушал радио, поговорил со всеми, кому не смог перезвонить из-за затянувшихся переговоров, но и это не могло скрасить минуты бестолкового прозябания. Скролил карту в навигаторе, пытаясь определить, где конец этой красной стрелки, в центре которой я застрял.

Вдруг в углу экрана вспыхнула иконка: *«Есть сигареты? Крайний правый ряд, красная Киа, номер 0567кт».*

Неожиданно я прыснул смехом и стал разглядывать машины, ища бедолагу, оставшегося без никотиновой дозы. Я даже не знал, что здесь есть такая возможность – писать короткие заметки, видные тем, кто рядом с твоей геолокацией.

«Продам машину, потому что пока доеду до дома, она в старушку превратится...»

«Ищу велосипед. Пока беременна, но когда пробка рассеется, мой отпрыск в садик должен будет идти...»

От нечего делать посмеивался, следя за открывшимся ларчиком Пандоры. Десятки анекдотов, едких замечаний, проклятий в сторону мэрии, в которую я пытался добраться. Все это было так странно, забавно и необычно. И хотел было уже закрыть приложение, как вспыхнула метка:

«Ищу мужа. Срочно. Можно на пару часов. Интим не предлагать».

Внутри словно часовые шестерёнки закрипели. Воспоминания той ночи вспыхнули огоньком зажигалки. В тот вечер мы с Мятёжным рыскали по городу в поисках фотографа, купленного конкурентами, чтобы подставить нашего знакомого адвоката и местную художницу Адель Ночкину.

Мой интерес был в том, что этот слабый на приток левых денег фотограф числился в моём штате, но вот возни с Раевским не хотелось совершенно. Поэтому мы со Славой и выпили его у клуба, преподав пару уроков выживания.

Правда, планы потом сильно поменялись, и Мятёжный отправился провожать одну весьма привлекательную, но очень строптивую даму до дома, а меня попросил отогнать её машинку к паркингу.

И вот только я завернул за угол, только остановился, чтобы перенастроить переднее сиденье, как в салон ворвалась чокнутая с разбитым сердцем.

Такая забавная, необычная. Ревет, умирает от боли, но так отчаянно хочет жить, что выдавливает из себя улыбку, на разговор подкидывается, только бы не возвращаться к разбитому сердечку.

Как её там... Чёртик. Или Бесик? Беспутова, точно...

Закурил и вспомнил её светящиеся рожи, лаковый чёрный комбинезон, обтягивающий каждый сантиметр аппетитной фигурки, и красные от слёз глаза. Мне было жаль её. Причем вполне искренне, а это не очень свойственно моему характеру.

Я из тех, кто считает, что если об тебя вытирают ноги, то ты добровольно лёг у порога, вместо коврика. Муж у неё, конечно, тот ещё кобель. В этом я убедился, когда он вместо прощ-

ния стал вопить в трубку приказы, будто она дворняга сбежавшая. Мудачьё. Ненавидел тупых куриц и мудаков. На дух не переносил.

И глаза... У неё такие прозрачно-голубые глаза, полные печали. Её не портила ни поплывшая косметика, ни полупьяный рассеянный взгляд. Какая-то она целостная, органичная, правильная. И эмоции её были честные, откровенные. Ревела, потому что больно, скулила, потому что сил на слова не осталось.

Я сначала хотел её высадить за поворотом, но почему-то не стал. Плюнул на планы и повёз её до дома, дабы не брать грех на душу. Ну что пьяной женщине можно ловить в городе, да ещё в таком виде? Только неприятности, а их у неё и без того вагон и маленькая тележка.

Странный порыв альтруизма от того, кто ненавидит все эти условности вроде браков, клятв в верности и прочей чепухи. О! Ещё это слово коронное – любовь! Придумали, чтобы всем сношаться было проще, дабы совесть не скрипела.

Я закурил, дёрнулся, чтобы приоткрыть люк, и замер...

В соседней машине творилась какая-то странная суета. Блондинка переодевалась прямо на переднем сиденье, светя розовым кружевом бюстгалтера, дерзко выбрасывая средний палец каждому, кто смел обернуться на стихийный стриптиз в пробке. Чуть приоткрыл окно, вслушиваясь в знакомый репертуар сопливой попсы, льющейся из её машины.

Я было подумал, что она пританцовывает, но нет...

Она в отчаянье билась головой об руль, вскидывала голову вверх, завывая волчицей. Стянула с себя белоснежную офисную рубашку, а потом быстро нырнула в розовое шелковое платье на тонких бретельках. Девушка внимательно осмотрела себя в зеркало, а потом зашуршала, и вот уже лифчик флагом развевался у неё в руках, как знамя женской независимости.

Она склонилась к телефону, прикрепленному на панели, быстро пробежалась пальчиками по экрану и снова упала лицом на руль. А через мгновение мой смартфон вспыхнул новой меткой от той отчаявшейся девушки, ищущей мужа без интима:

«Ау! Мужики... Где вы, когда женщина в беде?»

Я даже не сразу понял, что именно меня смутило...

Смотрел на экран своего гаджета, потом дернул ручку переключения передачи и подкатился кпереди стоящей тачке максимально близко, чтобы увидеть лицо этой чумной.

– Бесик?

Рассмеялся, не понимая, как сразу её не узнал? Возможно, меня смутило отсутствие свещающихся рожек?

Ну оторва...

Она снова и снова лупила по рулю, во всё горло горланя песню, от которой у меня зубы сводило:

Ты ночной кошмар, что растаял поутру.

Я по-прежнему красива, хоть казалось, что умру.

Между нами дым, слёзы и горящий мост... (Асти – По барам)

Сам того не замечая, я смеялся в голос.

Странно, но внутри все перевернулось от вспышки радости. Думал, что уже никогда не встречу её, но нет... Вот снова она, снова в отчаянье, и снова ищет мужа...

Глава 7

Таечка

Ужасный день! Отвратительный!

Это бестолковое собеседование, которое проводил сноб, всеми фибрами показывающий, что совсем не заинтересован в моей кандидатуре. Да по его наглой морде было видно, что ни черта мне не светит.

А вариант был неплохой, конечно. Да, не литературное издательство, но зато крупнейшая корпорация во всем регионе, а за его владельцем и глянec, и новостные паблики, и газеты для старшего поколения. Он даже под себя подмял еженедельники со сканвордами, астропрогнозами и прочей хренью, чтобы развлекать туристов на пляже.

Это был отличный вариант. Но придётся смириться с тем, что пролетела я, как фанера над Парижем. Ярко, быстро и со свистом охранника, перед которым у меня лопнул разрез юбки. Но разве это может остановить меня? Нет! Так и пошла дальше, сверкая задницей, пока не села в машину, благо на плечиках висело вечернее платье, чтобы порадовать мамочку на юбилее.

Должна была выехать раньше, но в цветочном пришлось долго выбивать по-настоящему свежие цветы, а не то, что им нужно продать как можно быстрее. Собственно, поэтому я встала в пробке, длиной в мою бестолковую жизнь.

Из-за внезапного собеседования мне не удалось попасть на консультацию с Раевским, взявшимся в лучшем виде сопроводить мой стихийно-быстрый развод. Настроена я была решительно, ничто не могло сбить меня с толку, включая истерику матушки. Она рыдала, скулила, умоляла успокоиться, взяться уза ум, потому что я уже женщина в возрасте, а Гриша – какой-никакой, но мужик.

Он сам позвонил маман, сам приехал к ней с покаянной головой. Говорил про беса, что попутал его, про коварство Зотовой, про помутнение рассудка. И стоит ли уточнять, что мамуленька моя растаяла?

Ну как можно поверить лжецу?

Откуда такой кредит доверия?

Надеялась, что боль пройдет, но нет. Каждое утро она возвращалась. Вторгалась в свежую голову и снова начинала хозяйничать, пытаясь заставить меня усомниться в моей же решимости сжечь мосты к прошлому.

– Тай, – рассмеялся Раевский. – Ну, о какой квартире он говорит? Закон в этом плане строг и однозначен в трактовках. Его посягательства на твоё имущество несут скорее моральное давление, чем прямую угрозу. Но и с этим мы справимся, Бесик.

– Раюша, дорогой, продай квартиру? Я прошу тебя! Не смогу уже вернуться туда, просто не смогу, – припарковалась у ресторана, где каждый год мы отмечаем день рождения мамочки, и упала головой на руль. В сотый раз за день. На лбу уже мозоль должна образоваться, а всё долблюсь, как страус, пытаюсь найти песок. – А можно, чтобы я не присутствовала на этих слушаньях?

– Легко, БеспUTOва. Мы его раскатаем, не переживай. Ты держись, Таюш. Пригоняй к нам на выходные? Обещаю шашлык и домашнее вино.

– Ладно, мне бы ещё пережить встречу с матушкой.

– О... Варвара Аркадьевна! – снова загоготал Денис. Мою матушку, а по совместительству нашу классную руководительницу, до сих пор помнят все мои знакомые. – Привет сердечный передавай. Клянись, что классическую литературу обожаю, читаю и читать буду до самой смерти. Уголовный кодекс – это же классика?

– Так и быть, заверю в твоей верности её предмету. Пока, Раюша...

Я быстро поправила макияж, чтобы скрыть следы слёз, распустила волосы, сколотые на затылке, разбрасывая кудри по плечам, и вышла. В лицо тут же ударил насыщенный, густой морской бриз, пытаюсь успокоить меня перед схваткой львов.

– Таечка! – гаркнул отец и вскинул вверх руку, показывая мне путь.

– Привет, семья, – я быстро протиснулась между столиков, рванув напрямик к маме. – Мамулечка, с днем рождения!

– Спасибо, Таисия, – она встала, обняла меня, ободряюще похлопала по плечу, не забыв осмотреть мои шелковое платье-сорочку и лодочки. – Все устаканится, не переживай.

– Мам, давай сегодня без этой темы? Не будем портить аппетит? – поцеловала её в щёчку, осмотрела с ног до головы, одарив миллионом заготовленных комплиментов, и переключилась на собравшихся. Все в полном составе... – Ритка, прекрасно выглядишь. Костик, ты, как всегда, пионер, – я кивнула на коробочку красных роз, стоящую за их спинами, будто мама сразу её не увидела. Глупости какие... Села напротив родителей и расплылась в улыбке, правда, ненадолго, потому как рядом со мной было накрыто ещё на одну персону. – Папуленька, а ты прям молодеешь.

– С тобой помолодеешь, – он вздохнул и откинулся на спинку кресла, внимательно осматривая меня. – Раз в квартал являешься, Таюш. Я скоро забуду, как ты выглядишь. Похудела вон как, ключицы торчат! Ты не заболела?

– Папулечка, это мода такая современная, из женщин всё должно торчать: губы, ресницы, ключицы, – пыталась отшутиться, вот только никто не поддержал меня, лишь наоборот, пригвоздили тяжёлыми взглядами.

– Тай, а вот ты когда клоунессой перестанешь быть? – подала голос «отличница» нашей семьи, сжимая руку супруга. – Всё шуточки у тебя, а лет-то много!

– Рит, а ты когда перестанешь с взрослыми разговаривать, не фильтруя словесную диарею? – цыкнула на сестру.

У нас разница была большой, почти семнадцать лет, и я считаю, что этого достаточно, чтобы не врываться с ноги в мою личную жизнь. Да, ей двадцать, да, максимализм выкручен на всю катушку, вот только пусть душит своего «додика», а не меня.

– Маааам! – Ритка тут же надула губы и обиженно зарылась моськой в плечо мужа.

– Таисия! – шикнула мама так, чтобы слышно было только нам. – Это что за упрёки?

– А что? Не нравится? Так, может, мне ещё реже появляться? Раз в год вас устроит?

– Меня устроит, если дочь моя старшая станет нормальной и адекватной женщиной! Если она станет ценить семейные узы и будет достаточно учтива к родителям, – она склонилась, прищуриваясь в отточенной учительской манере. По спине мураши поползли, будто меня сейчас к доске вызовут, а вот домашку я так и не сделала. – Ритусь, не плачь, дорогая. Тебе нельзя нервничать...

По позвоночнику прошлась ледяная волна. Я даже окаменела, боясь повернуться по правую сторону. Знала я этот мамин тон... Немного снисхождения, гордости, ласки и нежности. Слышала уже... Слышала...

– А я беременна, Тай, – рассмеялась Ритка, словно и забыла про свою выдуманную обиду. – Третьего ждём.

– Поздравляю, – рука вновь потянулась к бокалу с шампанским, но нельзя.... Я так и не успела поставить машину, поэтому придётся на трезвую голову слушать этот театр абсурда.

Нет, я любила Ритку. Она для меня была ранним ребёнком. Мама довольно рано вышла из декретного отпуска, водрузив на меня все тяготы домашнего быта: стирка, готовка, детский сад, прогулки.

И когда в семнадцать Ритка заявила домой с Костином, гордо объявив, что скоро выходит замуж, мы даже растеряться не успели, потому что наша младшенькая гордость, ошарашила известием о своей беременности.

Родители были рады! Конечно, к тому времени у меня уже было три выкидыша, они потеряли надежду на то, что смогут примерить новую для себя роль бабушки и дедушки, поэтому бросились опекать младшенькую с удвоенной силой.

Нет, я не ревновала. Мне уже было не до этого. Меня больше коробили стремительно рушащиеся связи с сестрой. Мы больше не созванивались по вечерам, она не рассказывала, как прошел её день, не плакалась, не делилась радостью.

А когда мою жалкую кандидатуру отвергли и на первые крестины, и на вторые, то сил сопротивляться обстоятельствам уже не осталось. Она так быстро привыкла к гиперопеке родителей, что стала этим пользоваться на всю катушку. А я отстала от них.

– Таисия, ты нам расскажи, что там Григорий? – невзначай бросил Костик, уплетая креветки. – В ногах валяется? Прощения просит?

– Да наверняка, – поддакнула Рита, выглядывая из-за плеча супруга. – Тебе, наверное, это нравится, да? Можно ноги вытирать об оступившегося человека.

– Конечно, – я улыбнулась, приняв правила игры. Знакомой мне игры... Ничего не меняется. Ничего... Кроме того, что к маме присоединились ещё два кровопийцы, желающих потоптаться на пепле моей боли. Семья... – А что вы так переживаете за меня? Право, не стоит. Ну, не Гриша, так другой...

И стоило мне это произнести, как челюсти моих родных просто рухнули в тарелки. Мама медленно обернулась, пытаясь понять, шучу я или нет. Вот это да! Крруто... На этом и поедем, значит.

– Таисия, ты что говоришь? – мама аккуратно положила столовые приборы и сомкнула пальцы в замок. – Ты о чём?

– У тебя кто-то есть, что ли? – взвизгнула Ритка и зажала рот ладонью.

– А что тут такого? Вы же сами говорите, что я взрослая, в этом нет ничего криминального.

– Но ты же замужем! – воскликнула сестра, привлекая внимание соседних столиков.

– Так и он был женат, когда шпилит Зотову в моей квартире. Твоё здоровье, мамочка, – процедила и всё же опустошила бокал игристого до дна.

– У него серьёзные намеренья? – вдруг ожил папа, наполняя мой бокал. – Расскажи, дочь.

– Да какие намеренья? Какие? Боже! – запричитала мама. – Ей сорок скоро, а ничего нет! С работы уволилась, благо Наталья не написала заявления в полицию из-за побоев. Мужа нет, квартиру продавать собралась, детей тоже нет...

За столом повисла тяжелая тишина.

А я к ней привыкла.

Этакий щелчок кнута. Вот только он был даже больнее, чем измена мужа, потому что когда тебя стегают родные – это просто невыносимо. Это не телесная боль, это крах души, крах оплота, что должен быть крепким, постоянным. Ведь самое надёжное место, где тебя должны принять с распростёртыми объятьями – твоя семья. Да?

– Замолчи! – внезапно рявкнул отец и ударил кулаком по столу. – Мало того, что сама не думаешь, что говоришь, так и Ритку этому учишь! Мы – семья! Что вы тут устроили линчевание? Разводится, так дай Бог! А про Гришку ты мне ни слова тут не говори, заступница нашлась! Вы что, не видите, что ей больно? В глаза-то посмотрите! Стервятницы!

Отец редко выходил из себя, но сейчас в шоке были все. И даже мама щелкнула зубами, прикрывая рот, из которого вот-вот польются тонны желчи в пользу защиты Григория.

– Но я... Но Григорий... – вяло скулила мама, шаря по залу глазами. Она не смотрела на меня, нет... Она кого-то искала, и теперь мне всё стало ясно. Свести вздумала?

Я казалась себе мёртвой. Ни чувств, ни эмоций, голый нерв, способный убить разрядом тока любого. А когда всё моё семейство напряженно уставилось куда-то мне за спину, душа в пятки ушла...

– Милая, прости! Задержался на совещании, – горячие ладони накрыли мои плечи, шею обожгло выдохом, а на скуле отпечатался быстрый поцелуй. – Прошу прощения ещё раз. Неужели я наконец-то познакомлюсь со всей семьёй? Я – Марк, – мужская рука замаячила у меня перед лицом. Видела только её... Серый пиджак, белоснежная сорочка с запонками, золотой обод браслета часов и перстень на среднем пальце.

– Михаил Петрович, – первым поднялся мой папочка, протягивая руку для рукопожатия.

– Варвара Аркадьевна, – мама представилась машинально, как в классе перед неучами.

– А вы, наверное, Рита... – его голос был так смутно знаком, но даже любопытство не могло заставить меня поднять голову, чтобы понять, кто этот мужчина.

– Костя, – неуклюже представился супруг сестры, попутно разливая вишнёвый компот себе в тарелку.

– Варвара Аркадьевна, я дико извиняюсь за опоздание, – снова стал расшаркиваться мужчина, а из-за спины появилась огромная корзина белоснежных пионов, аромат которых заполнил всё вокруг. Вот это размах... По сравнению с коробкой Костика – целое Лебединое озеро! Маменька моя поплыла, вспыхнула румянцем, а ресницы её стали дрожать, будто сотни бабочек крылышками дубасили. – Но я никак не мог перенести встречу.

Мгновение, и на соседний стул опустился некто... Очень знакомый... Память шуршала, пытаюсь нарыть хоть что-то, но ровно до того момента, пока в нос не ударил аромат мужского парфюма.

Таксист...

Глава 8

Ярко-голубые, полные азарта и смеха глаза в душу мне смотрели, вырывая из подсознания воспоминания о том вечере, что я так отчаянно хоронила. И, очевидно, настолько увлеклась, что погребла в пепле и этого мужчину...

Сейчас он совсем не напоминал мне таксиста. Шикарный серый костюм сидел на нём как влитой, накрахмаленный ворот сорочки был чуть расстегнут, волосы были аккуратно уложены, а улыбка ослепляла.

– Что ты молчишь, Бесик? – усмехнулся он, сгребая меня в объятия. Прижал к себе под бок, как кошечку, мне даже на миг захотелось мурлыкать и топтаться лапками по его груди. Закрыла глаза, вдохнула тепло его тела и улыбнулась. – Она у меня такая стеснительная.

Боже... Что происходит, маму вашу? Это что за цирк? И почему я позволяю себя лапать? Почему улыбаюсь, рассматривая шокированные лица? Почему мне кажется, что вечер перестает быть гадким и отвратительным? И почему в руках постороннего человека мне спокойнее, чем в кругу семьи?

– Таисия стеснительная? – прохрипела Ритка.

– Таисия... Таисия... – он рассмеялся, а за ним и я, потому что этот гад обманом выудил все имена сидящих за столом, включая мою. – Я не помешал? Вид у вас немного шокированный. Тась, ты что, не рассказывала про меня?

– Не успела, – мне пришлось приложить максимум усилий, чтобы голос обрёл звонкость. Я так и сидела прижатая к его боку, еле балансируя на крае своего стула, и чтобы не свалиться, пришлось упереться рукой о его ногу, заодно и выпустить коготки в этого генератора сюрпризов.

Но эффектом я была довольна. Разговоры про моего мужа тут же прекратились. Марк быстро заболтал всех, расхваливая и этот ресторан, и владельца, с которым он был знаком лично. Наверное, тоже в такси познакомились. А он ничего... Справляется на твёрдую пятёрку.

Мои родители с открытыми ртами слушали его, даже не задавая вопросов, потому что этот выдумщик заранее выдавал информацию, что могла их заинтересовать.

– Но Таисия ещё замужем, – снова завела свою песенку мама.

– Варвара Аркадьевна, – выдохнул Марк и потянулся рукой к карману штанов, где, очевидно, лежали его сигареты, а потом в знакомом мне жесте отдернул. – Вы правда считаете, что этот слабак может принести счастье в жизнь вашей дочери? Я вот очень сомневаюсь. Главная ценность мужчины – честность, ответственность и способность проходить через все невзгоды рука об руку. Вот вы – сколько лет в браке?

Марк... Какое красивое имя. Марк. Интересно, придумал?

– Мы почти сорок лет вместе, – мама сжала руку отца и даже улыбнулась.

– Тогда вы прекрасно понимаете, что когда рядом с тобой ненадёжный мужчина, то это уже не семья.

– Золотые слова, Марк, – отец опрокинул стопку и маякнул Марку, чтобы присоединился.

– Нет, спасибо, но я сегодня без водителя.

– Водителя? – хором повторили Костик и Рита, что до сих пор прожигали взглядом мой профиль справа.

– Ну что же мы сидим? – Марк убрал руку, а мне вдруг зябко стало, прошлась ладонями по плечам, прогоняя взбесившиеся мураши.

Пришлось вернуться на своё кресло, но это даже к лучшему, теперь могу рассмотреть моего спасителя получше, но не вышло... Марк встал, протянул мне руку, призывая подняться следом. Я сначала опешила, не понимая, что делать, но он оказался настойчив.

Вложила ладонь, на негнувшихся ногах подошла к нему ближе и чуть не рухнула, когда он так пошло и собственнически прошелся пальцами по позвоночнику, замирая на бедрах. Прижал, быстро поцеловал в висок...

Голова закружилась, воздуха не хватало. Готова была рухнуть в обморок, но он так крепко меня держал, что никто бы даже не заметил, вырубись я прямо здесь и сейчас.

Марк достал из кармана бархатный конверт, повязанный черной атласной лентой, и протянул мамочке, очумевшей от всего происходящего.

– Варвара Аркадьевна, мы бы хотели сделать вам подарок. Мы знаем, что работа у вас непростая, я бы даже сказал, невероятно сложная, а отдыхать нужно не только в трёхзвёздочном отеле, где после перелёта кажется, что из отпуска ты вернулся ещё более уставший. Отдыхать нужно каждые выходные. Это сертификат в спа-центр «Бриз», по которому вам доступны абсолютно любые активности...

– Ого! – зашипели все в унисон, включая меня, правда, его пальцы тут же сжались, прищипывая за бок, чтобы очнулась и не палилась перед родными.

Вот это кадр! И Костика задел с его вечными горящими путевками, и к матушке подлизался, и тему профессии так красиво обошёл. Но рисковал... Скажи сейчас маман, что домохозяйка, он бы наверняка тонну комплиментов накидал, восхваляя отчаянных женщин, положивших свою жизнь во благо семье.

И этот сюрприз уже никто не мог перебить: ни Костик с Риткой, так отчаянно мявшей свой ещё плоский живот, чтобы родители снова смотрели только на неё, ни моя молчаливость. Я просто плыла по течению, улыбалась в нужные моменты, смеялась, поднимала бокал, утрамбовывая шампанским тревогу.

– Потанцуем? – шепнул Марк и вновь протянул мне ладонь.

– С удовольствием, – процедила я, растягиваясь в улыбке так, что чуть губы не треснули.

Он нарочно отошел вглубь зала, чтобы нас не слышали, а мы могли наблюдать за восторженной суетой за столиком.

– Ну как я тебе? Гожусь в главари аферы века?

– А то! – рассмеялась и стерпела его рваный толчок ладонью, сокращающий расстояние между нами до минимума. – Ты как меня нашёл? Я что, и ресторан назвала?

– А ты ничего не помнишь? – он ласково перебирал мои волосы на спине, словно успокаивал, убаюкивал.

– Отрывками... Марк – настоящее имя?

– Да. А ты, значит, Таисия?

– Ага, только я терпеть не могу, когда меня Тасей называют.

– Уговор, – он пожал плечами. – Тася, так Тася, как пожелаешь, дорогая моя.

– Ты не переигрывай давай! – я рассмеялась и игриво ударила кулачком по его груди.

– Это я ещё только разминаюсь.

– Слушай, ты сколько денег спустил? – вдруг накрыло меня. – И пионы дорожные вне сезона, и спа. Ты учти, если маман поймет, что цветы ты с могилки натырил, а сертификат нарисовал от руки, она с меня вообще больше не слезет!

– Расслабься, Тася, просто нужно иметь друзей, – он рассмеялся опять этим своим колдовским голосом, отчего возмущение моё угагло. – Они и впрямь обескуражены.

– Тут мат нужно применять, не до галантности, – хихикнула, наблюдая, как Ритка фотографируется с шикарным букетом, пока никто не видел. – Но от вопросов мне все равно не избавиться. Где это видано, чтобы женщина после измены и трагедии так быстро находила замену?

– Тась, ну ты выкрутишься. Сама предложила мне сыграть твоего мужа, – он дернулся, доставая телефон из кармана брюк. – Прости, срочный звонок.

– Что мне сказать родителям? – я заикалась, представив, что вернуться мне придётся одной. Дура... Ну на что ты рассчитывала? Что он весь вечер будет разводить грозовые тучи руками? Наивная чукотская девчонка. Отчаянно сжимала кончики его пальцев, не желая отпускать.

– Прости, – снова кивнул он, исчезая в толпе танцующих пар.

И вдруг так зябко стало... Одиноко.

Он такой странный. Появляется, чтобы спасти, уберечь, рассмешить, а потом исчезает...

Странно, что я забыла о нём. Стояла и смотрела вслед хорошенькому мужчине. Высокий, плечистый, а бёдра узкие-узкие, с кулачок. И походка, совсем не подходящая таксисту, он шёл как хозяин жизни, как тот, кто может всё, если очень этого захотеть.

И странно, что он захотел спасти меня. Вот он ушёл, а меня снова предчувствие беды захватило с головой. Я даже по сторонам стала озираться, ощутив чей-то пристальный взгляд...

Глава 9

Вернулась к столику, издалека слыша шепот мамы. Она нервничала, и это было понятно и объяснимо. Да что говорить про маман, если я сама будто в прорубь окунулась при его появлении. Ноги до сих пор трясутся. Боже... Во что я вляпалась сама и его втянула?

– А где же Марк? – первым делом спросила она, вглядываясь в толпу.

– У него срочное дело, мамуль, – села и опустошила стакан воды. – Велел целовать твои ручки.

– Но он же вернётся?

– Скорее всего, нет, – я с удовольствием вонзилась ложкой в мороженое, заказанное на десерт. Обожала его... Тоннами готова была трескать, только оно должно быть чуть подтаявшим, с шоколадной крошкой и вишнёвым конфитюром, чтобы вызвать микрооргазм моей души.

И вот только я провалилась в негу, где хорошо и спокойно, как тактичный кашель маман вырвал меня на поле битвы снова...

– Таисия, но меня все равно смущает это ваше стихийное знакомство. Как же так? Это что – при муже? – задыхалась от возмущения та, что ещё недавно требовала простить невинную шалость моего супруга. Двойные стандарты материнской любви...

– Мам, ну что ты! Это он в меня за два дня так сильно влюбился, – я рассмеялась, наблюдая шок на лицах семейства. Всех, кроме папы...

Он хитро улыбался, смотрел на меня, как в детстве, когда я отчаянно отнекивалась, уверяла, что не знаю, где те конфеты, купленные к новогоднему столу, а сама в кармашке сжимала последнюю. Она плавилась, растекалась по пальцам, а я плакала, но не от криков мамы, а от обиды... Как же я её теперь съем?

Вот и сейчас папа смотрел точно так же... Ну и что? Даже если он догадался, что это все подстава, то раз молчит, значит, доволен, значит, одобряет мою оборонительную тактику.

– Это невообразимо, – схватила за сердце мама. – Ну как можно влюбиться за два дня? Как можно думать о новых отношениях, пока в браке находишься?

– Варь, а что ты за сердце не хваталась, когда Ритка Костика привела? А? – отец очнулся и вставил абсолютно железный аргумент, после которого ни у кого не было ни желания засыпать меня вопросами, ни настроения. Тот скандал до сих пор жив в нашей памяти... Ритке-то семнадцать было, а вот Костику тридцатничек неполный, причем он был глубоко женат и к тому моменту уже имел двух детишек.

– Ой, делай что хочешь, раз такая... – но договорить мама не успела, потому что раскрыла рот ещё пуще, чем в тот раз, когда увидела за моей спиной мужчину с шикарным букетом цветов.

И вот тут мне подурнело... Физически плохо стало! Ужас заструился по хребту, спускаясь в колени. Дрожала всем телом, понимая, что именно сейчас произойдет.

По глазам этой женщины, так отчаянно отстаивающей важность штампа в паспорте, всё прочитала. Ещё тогда... В самом начале допроса. Но не поверила, отмахнулась. Ну не может же мать вот так подставить, предать!

Ей сердца моего не жалко? Ей крови хочется? Слёз моих? Что нужно сделать, чтобы доказать, что я должна быть важнее всяческих штампов?

– Таисия, дорогая... Как же я скучал! Привет, семья! – запах приторной сладости убил мои рецепторы, и мороженое вдруг стало совершенно невкусным. Отодвинула хрустальную креманку, брякнув ложкой.

Смотрела в глаза мамы и пыталась понять, за что она так со мной? Что я ей плохого сделала? На шее не сидела, собственно, как и не восседала на мужниной. Всю жизнь работала,

училась, старалась быть честной, справедливой, достойной. Откуда эта ненависть в родном человеке?

Как только его рука коснулась спинки кресла, где ещё недавно сидел Марк, я рывком забросила на сиденье сумку, давая понять каждому из собравшихся, что не потерплю подобного. Больше не потерплю...

Боже! Сколько раз это происходило? Сколько?

Эти примирительные ужины, эти бестолковые разговоры, наполненные счастливыми воспоминаниями о нашей молодости, чтобы воззвать к моей жалости, чтобы разогнать злость и ярость. Но не сейчас... Сейчас я готова противостоять мужу, нависшему надо мной в попытке подавить волю к новой жизни...

– Даже так? – Григорий встал за моей спиной, медленно опуская руки на плечи. Горло сжало спазмом отвращения, тошнота стала губительной, разрушительной. Слезы вновь застилали всё, делая мир мутным, как старое стекло в подъезде моей хрущёвки.

«Она пустая... Бестолковая баба...»

– Говори и проваливай, – прошипела я и дернула плечами, скидывая его грязные лапы, что ещё хранили вонь парфюма моей подруженьки.

– Таисия, ну мы взрослые люди, давай прекратим игру в прятки? Посмотри мне в глаза, и мы всё решим. Обещаю.

– Мы с тобой ничего уже не решим. Заявление на развод подано, детей у нас нет, имущественных споров тоже, правда, если ты не решишь забрать половину моей машины. Только имей в виду, ты забереешь в прямом смысле её половину. Я лично распилю её, измерив до миллиметра. И ещё... Твою машину постигнет та же участь, Григорий, – я еле выдавила его имя. Опустила голову на руки, смотря в отполированное полотно тарелки. Только бы ушел... Пусть уйдет! – А Зотовой скажи, чтобы губу свою закатала, ни одного метра от моей квартиры ни ты, ни она, ни ваши двойни-тройни не получат. Усёк?

– Таисия, я был бы более аккуратен в выборе слов. Это что за поведение? Ты что, мне угрожаешь? Намерена учинить скандал на ровном месте? Так давай, мне тоже есть что рассказать твоей семье...

– Да говори, что хочешь! – я откинула салфетку на стол, сжала пальцами подлокотники кресла, покачиваясь, чтобы успокоить рвущуюся на куски психику. – Мне всё равно.

– А мне вот нет... Таисия, это просто чёрная полоса в твоей жизни. Это же недоразумение чистой воды. Нелепица... Ты слушаешь сплетни, дурацкие советы своих подруг, а ведь они тебе добра не пожелают, они завидуют и мечтают увидеть тебя разбитой и одинокой. Правда, Варвара Аркадьевна? – Мама вдруг стала кивать головой, растерянно поддакивая его убийственным по смыслу словам. Григорий откровенно перекалывал всю вину за разрушенный брак на мои плечи, а она соглашалась... Абсурд! – Таисия, только близкие люди желают тебе счастья. Послушай своего мужа, просто поговори со мной, и ты сама убедишься, что была неправа во всём...

– Милая, а вот и я. Ты скучала? – знакомый голос пронёсся над столом так легко, неприужденно.

Глава 10

– Милая, а вот и я. Ты скучала? – знакомый голос пронёсся над столом так легко, непринужденно. Марк опустил сумочку на пол, сел рядом, махнув рукой так, чтобы скинуть руки Гриши со спинки моего кресла, а затем обнял, чуть придвигая ближе. – Я что-то пропустил?

– Знакомься, Марк, – выдохнула я, выпрямляя спину. Теперь почему-то было не страшно... Гордо подняла голову и растянулась в улыбке. – Это мой бывший муж, Григорий. Григорий, а это мой будущий муж, Марк.

– Приятно познакомиться, – рассмеялся Марк и вновь взмахнул рукой, делая вид, что хотел поздороваться, но передумал. – Тась, ты не замёрзла?

Марк так естественно, без театральных па, снял пиджак и накинул мне на плечи, видя, как бесстыже по мне маршируют мурашки ужаса. Он даже не опешил от моего представления, и глазом не моргнув, лишь крепче обнял, подливая в опустевший бокал игристого.

– Это что за хрен с горы, я не понял? – рявкнул Григорий и так нагло отбросил Костика, садясь на его место.

Я дернулась, прижимаясь к Марку ещё крепче, зажмурилась, понимая, что скоро наступит конец... Каждая наша ссора заканчивалась одним и тем же – Гриша распускал руки, но так технично, чтобы никогда не оставлять следов. Он мог схватить за волосы, впиваясь ненавидящим взглядом, не для того, чтобы убить, а чтобы прописать в мое сердце страх, тревогу. Вот и сейчас этот взгляд...

– Тебе с какого момента повторить? – вдруг голос Марка изменился. В нём что-то сломалось, басистые нотки стали главенствующими, основными, он растягивал звуки, дышал полной грудью, пытаясь успокоить себя. Прижалась, вслушиваясь в сбивчивое биение сердца. – Встал и вышел отсюда, пока хребет не сломал. И если я ещё хоть раз увижу тебя на горизонте, Гриня, пеняй на себя.

– Ты че несешь, мудила! Руки убрал от моей жены! – заорал вдруг Гриша на весь ресторан.

Мама была в ужасе... Она закрыла лицо руками, пыталась спрятаться за спину отца, вот только тот тоже был в ярости, по щекам стекали красные пятна, он рванул галстук, ослабевая его хват, чтобы дышать нормально. Отец отталкивал руки мамы, чтобы показать все недовольство в спродюсированной ею ситуации.

– Тась, ты сыта? У меня срочная встреча, поэтому прошу нас простить, – Марк взял меня за руку, медленно поднимая с кресла, затем подал сумочку и подтолкнул вперёд, закрывая собой. Я кивала, как игрушка, отворачивалась, держала слёзы, лишь бы не разрыдаться на глазах у всего ресторана.

– Мало мне унижений, да? Мало? Ты растоптать меня перед семьей решил? – шептала я, проходя мимо бывшего. – Боже, как же я тебя ненавижу. Засунь свои цветы в задницу Зотовой!

– Да она хотя бы в задницу даёт! – завопил Гриша, бросая жалкий веник из гвоздик мне под ноги. Я замерла, но всего на секунду, а потом переступила через букет.

– Григорий, угомонись! – встал отец, уже не в силах выносить весь этот бред.

– Всего доброго. Варвара Аркадьевна, Михаил Петрович, — легко попрощался Марк, продолжая держать меня за плечи, а потом вдруг отпустил... Это был всего лишь миг. Один короткий миг я потеряла ощущение его рук. Обернулась, понимая, что уже никак не могу повлиять на ситуацию.

Марк вытянулся, как струна, расправил плечи, что теперь казались просто необъятными, выточенными из камня, и одним рывком вмазал Грише прямо в челюсть.

– Что неясного я сказал? Запоминай, мудачё, вот тебе скороговорка: «Испугался и забыл, я убёг, и я остыл, перед Таей не кружу, за яичками слежу»! – Марк нависал над бывшим

мужем коршуном, сжимал того за ворот рубашки, смотрел в глаза ровно до того момента, пока тот не отвернулся. – Ненавижу, когда силу свою демонстрируют перед женщинами, так что помни и не забывай стишок, Гришаня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.